

ПЛЮС ЭПОХА МИНУС ПОЭЗИЯ

«Камера-обскура» на Малой сцене Одеона

Антон Кузнецов вошел во французский театр, что называется, со счастливой репутацией ученика Льва Додина (после парижских гастролей "Гаудеамуса" в 1992 году он остался во Франции). Эпизодически промелькнув в "Дачниках" Горького (режиссер Луис Паскуале), он остался с Паскуале в Одсоне в качестве ассистента режиссера, а в прошлом сезоне неожиданно получил возможность поставить свой первый спектакль на майском фестивале в Дижоне. В качестве дебюта молодой режиссер (родился в 1967 году в Саратове, закончил "Национальную консерваторию", — загадочно сообщает программка Одеона, хотя таковой на всей территории бывшего СССР не существовало) выбрал "Маленькие трагедии" Пушкина. Дебют, видимо, прошел неплохо, если учесть, что в этом году Антону Кузнецову предоставлена Малая сцена Одеона. На этот раз это Набоков, "Камера-обскура". А. Кузнецов (совместно с Лореном Лежо) с завидной легкостью инсценирует роман.

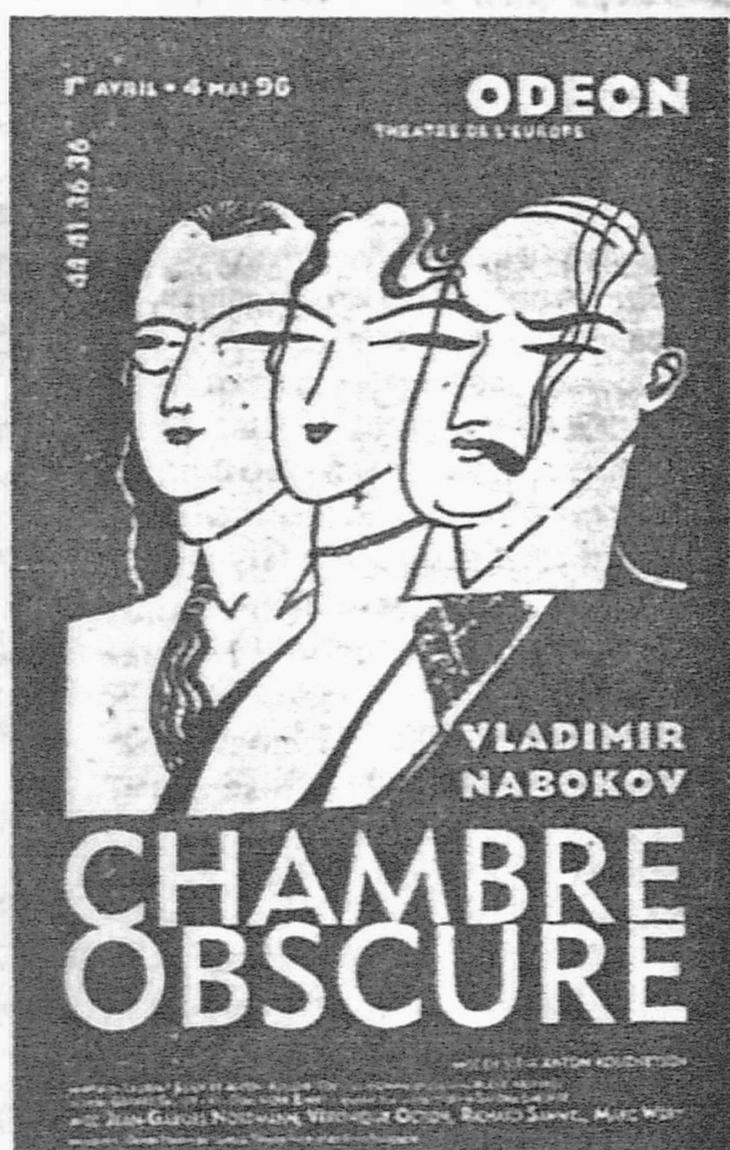
Бруно Кречмар, немолодой и богатый "знаток живописи", страстно, до ослепления (в прямом и переносном смысле) влюбляется в совсем молоденькую билетершу Магду (предшественницу Лолиты), дочь консьержей, идет для нее на жертвы, а та обманывает его со своим первым любовником, ловким и циничным карикатуристом Горном.

Кузнецов, как мне кажется, очень точно угадал набоковские типы при выборе актеров, но дальше не пошел. Ведь у Набокова самое главное не то, что происходит, а то, как он это происходящее описывает, и в этом смысле Набоков — поэт в самом прямом и точном смысле этого слова. Вот именно этого поэтического дыхания, воздуха, соразмерности иным мирам и нет в спектакле Антона Кузнецова — персонажи заперты в "темную коробку" (в прямом смысле в черную комнату, в центре которой находится белый экран — напоминание о коробке фотографического аппарата) сцены, где нам показывают выхваченные фотоаппаратом картинку из жизни "прекрасной" или, как ее еще называли, "безумной" эпохи (les années folles).

Режиссер не ищет сценической соразмерности набоковской поэзии, но ищет и находит соразмерность эпохе, словно иллюстрируя Магдину реплику о жизни, "полной роскошных первоклассных фильмов, их бриллиантового салюта и лальмового ветерка". И делает он это не без изящества и вкуса, хотя, думается, в полном противоречии с автором: проза Набокова обращен вовнутрь человека, и в этом смысле совершенно неважно, где происходит действие "Камеры-обскуры". В спектакле текст обращен вовне, в эпоху, в частности, в Берлин конца 20-х годов, и так же, как спираль горячечной эмоции, которой подчинено действие романа Набокова, выпрямляется до линейной фабулы. "Безумные годы" представлены в пьесе через немое кино: на белом экране проецируется — в звуках только что

вошедшего в моду чарльстон — историческая хроника, в том числе факты биографии самого Набокова, в которую вводятся искусственно стилизованные персонажи спектакля, прежде всего Магда (Вероника Октон).

В этом смысле наиболее удачно снят эпизод в Сольфи: Магда и Кречмар, играющие в волнах Адриатического моря, а на переднем плане за ними наблюдает добропорядочная супружеская пара и их ребенок. Мы как бы видим происходящее через их восприятие, и чем более откровенными становятся игры Магды и Кречмара, тем резче реакция родителей, и в этот момент камера как бы выхватывает крупным планом реак-

цию девочки, которая обращается к отцу с чисто женской грацией, словно предугадывая будущую героиню Набокова. Но это на экране, а на сцене продолжается прямолнейный рассказ сюжета, хотя и не лишенный режиссерской изобретательности. Магда и Горн представлены как гимнасты, и их любовные игры есть не что иное, как игра в пинг-понг или в волейбол.

Непосредственно театром этот пересказ текста Набокова с вкрапленными в него кинематографическими эпизодами становится только в последней сцене: Горн, в апофеозе глумления, усаживается абсолютно голый прямо напротив ослепшего Кречмара (хотя, заметим, сцена эта очень зрительно выписана и в романе). Горн (Ришар Саммель) испытывает, кажется, почти животный восторг, выставляя свое здоровое, спортивное тело самца перед беспомощным, увечным, униженным соперником. И пока Горн, издеваясь, изображает карикатуру на Кречмара (Жан-Габриэль Нордманн), тот, совсем по-детски вытянув шею с выражением очень набоковской "безысходной нежности", пытается всмотреться в окружающую его темноту, словно в самом деле слепой "мучительно пытался родить свет".

ЕКАТЕРИНА
БОГОПОЛЬСКАЯ